

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 1(091)

Е.В. Борисов

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ У ВИТГЕНШТЕЙНА И ХАЙДЕГГЕРА

*Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ, грант НШ-5887.2008.6
(на поддержку ведущей научной школы «Томская онтологическая школа»)*

Проводится сравнительный анализ концепций значения Витгенштейна и Хайдеггера. Показано, что оба мыслителя тематизируют холистичность, медиальность, фактичность и перформативность как конститутивные характеристики значения, что позволяет говорить о «прагматическом повороте» как общей черте их семантических исследований.

Ключевые слова: теория значения; прагматический поворот; холистичность; медиальность; фактичность; перформативность.

Самодистанцирование современной философии от философии Нового времени, воплощенное в ряде проектов «преодоления метафизики» (от Хайдеггера и Карнапа до Хабермаса и Рорти), базируется на ряде кардинальных трансформаций философского мышления, одной из которых является «прагматический поворот» – тематизация практики в качестве носителя трансцендентальных структур. С поправкой на неизбежную ограниченность и «оговорочность» историко-философских обобщений «прагматический поворот» можно считать типологической характеристикой философии XX в., объединяющей столь разные «направления», как аналитическая и герменевтическая философия. В данной статье мы попытаемся проиллюстрировать это положение в рамках теории значения на материале семантических концепций Витгенштейна и Хайдеггера. Наш тезис состоит в следующем: в исследованиях обоих авторов тематизируется холистичность, медиальность, фактичность и перформативность значения – характеристики, определяющие прагматический сдвиг в философской семантике.

Контекстуальность и медиальность значения у раннего Витгенштейна

В аналитической философии идея контекстуальности – семантической зависимости выражения от контекста – имеет конститутивное значение. Так, М. Даммит в своем исследовании исторического генезиса аналитической философии рассматривает тематизацию контекстуальности в качестве главной характеристики «лингвистического поворота» [1. С. 5]. Даммит возводит «принцип контекстуальности» к работе Г. Фреге «Основоположения арифметики», где он вводится применительно к числу; мы же в данном исследовании в качестве репрезентативной концепции рассмотрим более универсальную версию этого принципа, предложенную ранним Витгенштейном, и его дальнейшее развитие в прагматическом ключе.

В «Логико-философском трактате» принцип контекстуальности представлен как тезис о семантической несамодостаточности значения имени (и, соответственно, онтологической несамодостаточности предмета), т.е. о его зависимости от *смысла предложения* (соответственно, от структуры возможного факта): «Имя

обретает значение лишь в контексте предложения» [2. Тезис 3.3¹]. В последующих текстах Витгенштейна этот принцип расширяется до холистического понимания языка как речевой деятельности: поздний Витгенштейн тематизирует не только зависимость значения имени от смысла предложения, но и зависимость *смысла предложения от языковой игры*, т.е. той речевой практики, в контексте которой данное предложение высказывается. Таким образом, принцип контекстуальности, развернутый в «Логико-философском трактате» применительно к значению имени, можно считать первым шагом к холистической и прагматической трактовке языка у позднего Витгенштейна, поэтому в данном исследовании он заслуживает детального рассмотрения.

В «Трактате» принцип контекстуальности является одним из главных и сквозных мотивов: Витгенштейн эксплицирует его в разных аспектах/контекстах и, соответственно, дает ему ряд формулировок, которые иногда, как кажется на первый взгляд, не имеют между собой ничего общего. Первую формулировку мы находим уже в самом начале текста, в первом комментарии к первому тезису: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» (1.1). Этот онтологический тезис о зависимости объекта (вещи) от факта (с учетом изоморфизма между онтологической структурой мира и логико-семантической структурой языка) представляет собой точный эквивалент логико-семантического тезиса о зависимости значения имени от смысла предложения. «Элементарной единицей» мира является факт, а не вещь, подобно тому как «элементарной единицей» языка является предложение, а не имя. Два процитированных тезиса можно рассматривать как наиболее общую формулировку принципа контекстуальности (на онтологическом и семантическом языках), которая затем специфицируется применительно к ряду частных вопросов, рассматриваемых в «Трактате»: в экспликации понятий вещи и факта (2.011–2.014), в определении понятия субстанции (2.021–2.0212), при интерпретации выражения в качестве пропозициональной переменной (3.313), в логико-семантическом разъяснении «бритвы Оккама» (3.326–3.328) и ее применении к «парадоксам Рассела» (3.333) и т.д. Но наиболее иллюстративная для нашей темы экспликация принципа контекстуальности дана во фрагментах 2.011–2.05 и 4.122–4.123, где Витгенштейн проводит различие между

внутренними и внешними свойствами объекта (а также внутренними и внешними отношениями между объектами и между фактами). По нашему мнению, разворачивая эту дистинкцию, Витгенштейн уже в «Трактате» подходит к конститутивным для прагматической теории значения тезисам о прагматическом и медиальном характере значения.

Внешние свойства объекта Витгенштейн понимает как эмпирические *факты*, и в соответствующих предложениях («снег белый», «Иван выше Петра» и т.п.) они обозначаются предикатами (белый, выше и т.п.). Внутренние свойства, таким образом, можно сначала определить негативно: это *не* факты; соответственно, они *не* описываются предложениями. Однако они имеют определенное отношение к фактам/предложениям, которое представляет собой их позитивное определение: внутренние свойства суть *возможность фактов* (внешних свойств):

2.0123. Если я знаю объект, то я также знаю все возможности его вхождения в атомарные факты. (Каждая такая возможность должна заключаться в природе объекта.) Нельзя впоследствии найти новую возможность.

2.01231. Чтобы знать объект, я должен знать не внешние, а все его внутренние качества.

В этом пассаже представляются интересными следующие два момента:

1. Можно «знать объект», *не* зная его действительных (имеющих статус факта, т.е. устанавливаемых эмпирически) характеристик: «*знание*» объекта может быть ограничено его внутренними свойствами. Ради терминологической ясности мы можем здесь различить два вида знания об объекте: *семантическое* знание, т.е. знание о возможности фактов, в структуру которых входит данный объект, и *фактуальное* – знание о действительных фактах, включающих в себя данный объект. Выбор термина «семантическое знание» обусловлен тем, что здесь имеется в виду только знание *значения имени*, которое не предполагает эмпирического знания о свойствах соответствующего объекта. Я могу ничего не знать о внешних свойствах снега, в частности могу не знать, какого он цвета, но если значение этого имени мне известно, то я уже знаю, что он имеет некоторый цвет, а значит, знаю, что такие факты, как «снег является белым», «снег является синим», «снег является красным» и т.п. *возможны*. Иначе говоря, семантического знания недостаточно для утверждений о действительных свойствах объекта, но достаточно для формирования предположений. Тогда эмпирически подтвержденное предположение представляет собой фактуальное знание. Используя эти термины, мы можем переформулировать тезис Витгенштейна следующим образом: семантическое знание объекта *не зависит* от фактуального знания, т.е. имеет *априорный* характер.

2. Семантическое знание объекта – знание его внутренних свойств – всегда является *полным*: мы не можем знать только *некоторые* возможности вхождения объекта в факты, а затем обнаружить новые, прежде неизвестные, возможности (обратим внимание на слово «все» в процитированных тезисах 2.0123 и 2.01231); мы знаем о возможностях объекта *или все, или ничего*². Этот тезис выводит различие между внутренними и

внешними свойствами за рамки стандартной дистинкции возможного и действительного. Новаторский момент тезиса о необходимой полноте априорного знания объекта связан с тем, что если я знаю *все* возможности вхождения объекта в факты, то я знаю также, *какие факты* (с участием данного объекта) *невозможны*. То есть я если я знаю, например, значение слова «человек», то я знаю также, что факт «Иван выше Петра» *возможен*, а факт «Иван выше логарифма» *невозможен*. Не существует таких фактов (или, что то же самое, «конфигураций объектов»), про которые я не знал бы, возможны они или нет, хотя о многих возможных фактах я могу не знать, имеют ли они место в действительности. Таким образом, для Витгенштейна существенна не оппозиция *возможное/действительное*, но граница возможного, т.е. оппозиция *возможное/невозможное*³ (мыслимое/немыслимое, представимое/непредставимое и т.п.). Переводя тезис на семантический язык: знать объект X означает знать, какие *предложения с именем «X»* являются *осмысленными*, а какие *бессмысленными*.

Суммируем сказанное. 1. Различие между внутренними и внешними свойствами – это различие между *возможным и действительным*, и оно соответствует различию между априорным и апостериорным и, далее, между логикой и эмпирическим познанием: в перспективе логики объект рассматривается только априори, т.е. в аспекте его внутренних свойств. 2. Сфера возможного дана нам априори во всей ее полноте, а значит, равным образом априори нам дана сфера невозможного. Если для установления истинности или ложности (осмысленной) гипотезы необходим опыт, то ее осмысленность или бессмысленность мы «усматриваем» априори. Таким образом, принцип контекстуальности имеет как «инклюзивную», так и «эксклюзивную» составляющие: он утверждает, что объекту существенным образом присуща как *возможность* вхождения в факты определенного класса (2.011), так и *невозможность* вхождения в факты некоторого другого класса. Объект в его априорной данности представляет собой границу между этими классами; соответственно, имя представляет собой границу между классами осмысленных и абсурдных предложений, в состав которых оно может входить.

Здесь уместно сделать два существенных понятийных уточнения. Во-первых, когда речь идет о внутренних «свойствах» объекта, термин «свойство» используется условно: строго говоря, свойство обозначается предикатом предложения, но всякое предложение приписывает объекту *внешнее* свойство; внутренние же «свойства» не фиксируются в предложениях: они суть своего рода априорная характеристика предложений, повествующих о внешних свойствах. Как было сказано, внутренние «свойства» объекта очерчивают класс осмысленных и класс бессмысленных предложений о нем. Поэтому когда Витгенштейн говорит о знании «всех внутренних свойств», множественное число и местоимение «все» оказываются грамматической фикцией, используемой, по всей видимости, в силу неадекватности нашего языка (ориентированного на выражение эмпирического знания) задачам описания его собственной априорной структуры и, соответственно, априорной структуры мира⁴.

Во-вторых, применительно к «внутренним свойствам» столь же условно употребляется термин «знание» (а также использованные двумя абзацами выше выражения вроде данности, усмотрения и т.п.). Знание в строгом смысле этого слова – это апостериорное знание о фактах, выражающееся в предложениях, но «знание» «внутренних свойств», которое мы назвали семантическим, оказывается, как было отмечено, за пределами сферы высказываемого. *В каком же смысле о нем можно говорить как о знании?*

На наш взгляд, в этом пункте намечена возможность прагматического сдвига в трактовке значения и, соответственно, семантического знания – сдвига, который в полной мере осуществляется в теории языковых игр позднего Витгенштейна. Дело в том, что, учитывая бесконечность классов осмысленных и бессмысленных предложений с именем «X» (возможных и невозможных фактов с соответствующим объектом), невозможно представить себе семантическое знание в некоторой актуальной субъективной реализации (например, в форме перечисления *всех* предложений указанных классов). Однако это «знание» в некотором смысле имеет место всегда, когда мы мыслим, и реализуется как *практическая способность* квалифицировать любое предложение в качестве осмысленного или бессмысленного. Семантическое знание – это не знание в обычном смысле, но априорная структура мира и языка, необходимым образом воплощенная в речевой *деятельности*; по нашему мнению, этот тезис получает полную экспликацию в трактовке следования правилу (языковой игры) как *практики* в «Философских исследованиях»⁵.

Имплицитный прагматический сдвиг в теории значения сочетается у раннего Витгенштейна с другой существенной новацией – *медиальной* трактовкой логики и онтологии, которая в «Трактате» представлена в еще не окончательной, но уже вполне эксплицитной форме. Медиальность в данном случае означает автономно опосредующего «элемента» по отношению к опосредуемым, иначе говоря, тот случай, когда «посредник» выступает не как некоторое дополнение к связываемым им терминам, но как *среда*, в которой они существуют. В самом деле, кажется очевидным, что априорная логико-онтологическая структура мира/языка опосредует субъект-объектное отношение, коль скоро она делает возможной осмысленную речь субъекта об объекте. Однако это опосредование состоит не в том, что, скажем, логика делает возможной связь между самостоятельно существующими субъектом и объектом: у Витгенштейна медиальность понимается в более сильном смысле – в смысле независимости логики от субъекта и, соответственно, объекта. Логика не порождается человеческим мышлением или объективной действительностью, но впервые делает их возможными.

5.473. Логика должна сама о себе заботиться [...]. В некотором смысле мы не можем делать ошибок в логике.

5.4731. Самоочевидность, о которой так много говорил Рассел, в логике может стать лишней только благодаря тому, что язык сам предотвращает каждую логическую ошибку. Априорность логики заключается в том, что нельзя нелогически мыслить.

Поскольку мыслить нелогически невозможно, язык (в его логической структурированности) не может быть

продуктом человеческой креативности и по этой же причине он не может рассматриваться как «отражение» структуры действительности: объект (как пучок возможностей фактов) существует только в «логическом пространстве», т.е. в положенных логикой пределах. А ритор: если иметь в виду медиалистский тезис об автономии «опосредующей» структуры по отношению к «опосредуемым» субъекту и объекту, то становится ясна условность различения логической структуры языка и онтологической структуры мира (и неуклюжесть таких конструкций, как «логико-онтологическая структура мира/языка»): конечно, речь идет о единой структуре, описываемой двояко в силу вторичной субъект-объектной расщепленности нашего языка. По нашему мнению, деструкция субъект-объектной оппозиции как отправного пункта философского мышления в пользу медиалистской модели языка получает естественное развитие в прагматической переориентации философской семантики, которая ниже будет рассмотрена на примере «фундаментальной онтологии» Хайдеггера и теории языковых игр позднего Витгенштейна.

Фактичность значения: Хайдеггер и поздний Витгенштейн

На наш взгляд, фундаментальная онтология Хайдеггера и теория языковых игр Витгенштейна демонстрируют продуктивное взаимодополнение в области проблематики значения. В самом деле, если в «Логико-философском трактате» семантические исследования Витгенштейна фундированы в эксплицитной онтологии, однако, говоря языком Хайдеггера, это «онтология наличного», то поздний Витгенштейн, хотя и не подводит под свою новую семантику явной онтологической основы, имплицитно опирается на онтологию, которая в терминах Хайдеггера может быть названа «онтологией подручного». Вместе с тем Хайдеггер, разворачивая в «Бытии и времени» «онтологию подручного», ограничивается онтологическим фундированием теории значения (наиболее явным образом – в § 18), не предпринимая ее детальной разработки. Таким образом, ранний Хайдеггер и поздний Витгенштейн вносят существенный вклад в прагматическую семантику, разрабатывая онтологический базис и собственное содержание семантики, главной новацией которой является, как мы покажем ниже, тезис о фактичности значения. Поэтому в отличие от К.-О. Апеля, проводящего параллели, с одной стороны, между ранним Витгенштейном и ранним Хайдеггером и, с другой стороны, между поздним Витгенштейном и поздним Хайдеггером [6. С. 225–275], нам – в контексте данного исследования – представляется более продуктивной параллель между ранним Хайдеггером и поздним Витгенштейном. Однако отметим, что в указанной работе Апеля показан общий для Витгенштейна и Хайдеггера мотив критики «метафизики», существенно дополняющий параллелизм их теорий значения: оба автора осмысливают метафизику как форму самоотчуждения (*Selbstentfremdung*), воплощенного в речевых практиках или в формах «экзистирования» [6. С. 227].

Прагматический характер философии языка Хайдеггера обусловлен, прежде всего, тем, что лингвисти-

ческое значение он рассматривает в контексте повседневной «озабоченности» – повседневного практического обращения с «подручным» сущим.

Многообразии таких способов бытия-в можно обозначить, перечислив следующие примеры: иметь дело с чем-то, производить что-то, возделывать что-то и ухаживать за чем-то, использовать что-то, предоставить что-то самому себе и оставить на произвол судьбы, предпринимать, осуществлять, разузнавать, опрашивать, рассматривать, обсуждать, определять...⁶ [4. С. 56–57.]

При этом новаторское различие подручного и наличного у Хайдеггера имплицитно также новую трактовку контекстуальности и медиальности. Рассмотрим три наиболее существенных для нашей темы момента хайдеггеровского учения о «внутримировом сущем» – холизм, прагматизм и медиализм.

1. Прежде всего следует иметь в виду *холистичность* мира подручного. Трактую вещь как подручное «средство», Хайдеггер тем самым приписывает ему в качестве существенных характеристик пригодность для того или иного действия, которое, в свою очередь, разворачивается *ради* некоторой цели (в хрестоматийном примере из § 18 «Бытия и времени» молоток пригоден для забивания гвоздей) [4. С. 84], которое предпринимается, в конечном счете, ради возможности бытия человека⁷. Подчеркнем, что трехмерная система отсылок от вещи а) к другой вещи, б) к действию, для которого эта вещь пригодна, и с) к цели, ради которой это действие предпринимается (молоток отсылает к гвоздям и скрепляемому материалу, к забиванию гвоздей и защите от непогоды как конечной цели строительства), *конститутивна* для вещи, т.е. является не привходящим ее свойством, которого могло бы и не быть, но образует *способ ее бытия*. Рискнем перевести этот несколько туманный термин на язык «Логико-философского трактата» – отвлекаясь от иных контекстов и с поправкой на то обстоятельство, что «Трактат» написан в рамках онтологии наличного: *способ бытия вещи – это совокупность ее внутренних свойств*. Эквивалентность здесь состоит в том, что «способ бытия» вещи – это предмет семантического «знания» (которое у Хайдеггера, как и у Витгенштейна, имеет характер практической способности); если я знаю о некоторой вещи только одно – что она представляет собой молоток, то это семантическое знание о том, что ее бытие состоит в ее пригодности для забивания гвоздей⁸.

Наличное – объект восприятия и теоретического рассмотрения – мыслимо в изоляции. В самом деле, наличное конституировано как единство объективных свойств, таких как цвет, форма, вес, плотность и т.п., и, по меньшей мере, *некоторые* из этих свойств могут приписываться объекту безотносительно к другим объектам (если вес можно определить только в контексте взаимодействия между объектами, то цвет – в рамках повседневных представлений – может рассматриваться как собственное свойство объекта, никак не связывающее его с другими). То есть при описании объекта (будем вслед за Хайдеггером использовать этот термин как синоним термина «наличное») мы, в значительной мере, можем не учитывать его окружение; объект допускает абстрагирующее извлечение из контекста (мо-

лоток тяжел и тверд независимо от какого бы то ни было контекста). Описание же подручного с необходимостью предполагает содержательно определенные отсылки к его окружению, к «целому средству»: описать молоток как подручное – значит указать, для чего он используется [4. С. 69].

2. Тезис о конститутивной включенности подручной вещи в некое целое представляет собой формальный аналог принципа контекстуальности раннего Витгенштейна, однако здесь необходимо учитывать *праксеологическую* трактовку контекста у Хайдеггера, позволяющую рассматривать «фундаментальную онтологию» как одну из первых версий прагматически ориентированной философии языка. В этом смысле главной новацией Хайдеггера является введение понятия озабоченного обращения с вещью – по мнению К.Ф. Гетмана, «центрального понятия прагматической программы Хайдеггера» [7. С. 287] как формы ее первичной данности. Если наличное дано в изолирующем восприятии, то подручное – в интегрирующем обращении (использовании).

3. Наконец, существенной характеристикой подручного является его «незаметность», или нетематичность, нарушение которой приводит к трансформации «способа бытия» вещи из подручности в наличествование и, в аспекте способа данности вещи, к переходу от ее использования к не-практическому восприятию, рассмотрению, познанию и т.п. Иначе говоря, вещь, поскольку она используется как подручное средство, *не обращает на себя нашего внимания*. Для Хайдеггера это не случайное обстоятельство «психологии восприятия», но, опять же, онтологическая характеристика вещи, позволяющая рассматривать структуру подручного мира (его «мировость» – *Weltlichkeit*), т.е. систему связей отсылания, как *медиальную*. Действительно, онтологический характер «незаметности» говорит о том, что определенность подручного сущего не является продуктом субъективного полагания: мы не наделяем наличные вещи функциями средств, но находим *себя* в мире подручного. Однако это «прагматизированная» медиальность: у Хайдеггера «мировость мира» воплощена не в способности высказывать осмысленные предложения, как у раннего Витгенштейна, но в «движении по связям отсылания» – в структурированной ими практической жизни.

Структура озабоченного бытия-в-мире – система «связей отсылания» между подручными вещами, целями и формами деятельности – является основой лингвистического значения; неслучайно Хайдеггер обозначает эту структуру термином «значимость» (§ 18). Эта онтологическая основа значения имеет следствием радикальный тезис, в котором (отметим это, забегаая вперед) проявляется удивительная конгенность Хайдеггера и позднего Витгенштейна: значение выражения (слова, фразы, предложения) конституируется конкретной ситуацией, в которой оно произносится. Так, различия «апофантического и герменевтического Как» (предложения, в которых выражается объективирующее знание и предложения, произносимые в практическом контексте), Хайдеггер вписывает смысл предложения «молоток тяжел» в структуру практического действия в конкретной ситуации – и более того,

подчеркивает, что смысл предложения манифестируется не только в явном высказывании, но и в действии:

«Озабоченная осмотрительность» имеет свои специфические формы толкования, которые – в сопоставлении с названным «теоретическим суждением» – могут звучать так: «молоток слишком тяжел», или скорее: «слишком тяжел», «другой молоток!» Изначальное осуществление толкования заключается не в теоретическом высказывании как предложении, но в осмотрительно-озабоченном откладывании в сторону или в замене неподходящего средства «без лишних слов» [4. С. 157].

Результат этого рассуждения можно сформулировать на языке Витгенштейна: объективирующее познание и практическое действие представляют собой разные языковые игры, в которых смысл предложения конституируется по-разному. В контексте объективирующего познания предложение «Молоток тяжел» означает «Данный объект имеет свойство тяжести (массу)»; в контексте столярной работы это предложение означает «Этот молоток слишком тяжел для этой работы; подай другой». Иначе говоря, смысл предложения не является некой универсалией, автономной по отношению к единичным случаям ее «применения», но определяется каждый раз в единичном практическом контексте. Для наших целей этого онтологического результата достаточно: он уже позволяет перейти к экспликации понятия фактичности в семантике позднего Витгенштейна.

Тезис о фактичном характере значения в исследованиях позднего Витгенштейна развивает «принцип контекстуальности», сформулированный в «Логико-философском трактате» (параллельно Хайдеггеру) в прагматическом ключе. В теории языковых игр, как и в фундаментальной онтологии, этот тезис имеет более радикальный характер, нежели в «Трактате», поскольку смысл предложения поздний Витгенштейн ставит в зависимость от более широкого контекста – правил языковой игры (речевой практики), в рамках которой то или иное предложение высказывается: «Рассматривай предложение как инструмент, а его смысл – как его применение» [8. § 421]. В контексте разных языковых игр одно и то же предложение может иметь разные смыслы и, соответственно, одно и то же имя может иметь разные значения.

При этом существенно, что языковые игры (потенциально) бесконечно разнообразны [8. § 23] и претерпевают историческую динамику (возникают, забываются, трансформируются), а значит, потенциально бесконечно разнообразны и значения одного и того же слова. Радикальное следствие этих двух тезисов состоит в том, что значение слова или выражения не может быть определено *в общем* – для *всех* возможных случаев его употребления – уже потому, что многообразие типов таких случаев необозримо. Иначе говоря, значение невозможно задать через общую дефиницию, под которую попадали бы все возможные частные случаи употребления; значение выражения *фактично*: существует и может быть дано нам в семантической рефлексии только в том или ином конкретном случае его употребления. Иначе говоря, в прагматической семантике значение перестает быть *универсалией* как предметом *со-*

зерцания, превращаясь в «семейство» случаев употребления выражения, т.е. в форму речевой *практики*.

Витгенштейн иллюстрирует этот тезис на многочисленных примерах; в частности на примере слова «чтение» [8. § 156–164]:

Слово «читать» мы также употребляем применительно к семейству случаев. А при различных обстоятельствах употребляем различные критерии того, что некто читает [8. § 164].

Ход его рассуждения таков: 1) значение предикатного имени «читать» определяется смыслом предложения «Некто читает»; 2) смысл этого предложения зависит от критериев, которые мы применяем при его обосновании, т.е. от критериев чтения; 3) в разных ситуациях мы используем разные критерии: на семинаре в университете «прочсть» – означает «быть способным обсуждать смысл текста»; при обучении чтению ребенка «читать» – значит «распознавать буквы и складывать из них слова»; мы говорим также о «рассеянном чтении» (когда человек правильно читает вслух, но неспособен воспроизвести смысл прочитанного; здесь чтение означает «озвучивание»), о чтении партитуры музыкантом, о считывании информации с диска компьютером и т.д. В каждой из этих ситуаций мы – для разных целей и применительно к разным объектам (людям, компьютерам...) – используем разные критерии чтения и тем самым наделяем слово «читать» разными значениями.

Итак, любое слово или выражение обладает множественностью значений, т.е. (актуально или потенциально) является *омонимом*. Витгенштейново преодоление семантического «платонизма» означает деструкцию трактовки значения как единого и универсального в пользу «семейства» частных значений, каждое из которых может иметь место (и может быть обнаружено наблюдателем) только в контексте конкретного случая употребления соответствующего слова/выражения – в контексте конкретной ситуации словоупотребления⁹. Итак, речь идет о трансформации универсальности в омонимию; при этом следует иметь в виду, что множественность значений имени как омонима всегда является открытым, т.е. подвержено трансформациям в ходе исторического развития языка. Даже если мы (каталогизировав все значения, которые некоторое имя имеет, скажем, в современном русском языке) сумеем обобщить их в единой дефиниции (как это иногда удается в толковых словарях), эта дефиниция будет не более, чем обобщением ряда единичных фактов, и ее универсальность будет ограничена только сферой зарегистрированных *действительных* фактов словоупотребления, а это значит, что любая дефиниция может быть поставлена под вопрос историей языка: всегда возможно появление новой языковой игры, в которой рассматриваемое слово может приобрести значение, не подпадающее под данную ему дефиницию.

Перформативность значения

В основе перформативной трактовки языка лежит тезис о своеобразной *самореферентности* языка: по выражению Витгенштейна, *говоря* о чем-то, язык *показывает* свою внутреннюю структуру, в частности структуру референции. Аналогичное различие прово-

дит Хайдеггер, говоря о *тематической* направленности внимания и *со-тематической* данности онтологической структуры мира в человеческой деятельности. Это показывание имеет *перформативный* характер в том смысле, что оно возможно только в ходе говорения: значение невозможно «описать»; его можно только продемонстрировать в самой речевой практике. Значение как конституированное правилами языковой игры невозможно увидеть, наблюдая языковую игру извне: оно может быть дано только в перспективе «первого лица», т.е. участника языковой игры. Иначе говоря, значение дано (известно) нам лишь постольку, поскольку мы *перформативно осуществляем* его в той или иной речевой практике. Таким образом, в прагматической семантике тезис о перформативности понимается вполне радикально: не только в смысле наличия прагматического «аспекта» значения, но и в том смысле, что употребление выражения – это единственный «способ существования» его значения.

Радикальность этого тезиса дает о себе знать в феномене *непостижимости обучения*, т.е. в невозможности экспликации правила, предшествующей практике следования правилу, или в «парадоксе» правилосообразности, который детально демонстрируется в «Философских исследованиях» и интенсивно обсуждается в интерпретативной литературе. Рассмотрим в качестве примера витгенштейнов анализ обучения процедуре построения арифметической прогрессии с шагом 2. Суть этого примера состоит в том, что в такого рода обучении мы никогда не можем быть уверены в том, что ученик освоил соответствующее правило в полном объеме его применимости. В § 185 Витгенштейн иллюстрирует это положение следующим образом: ученик корректно строит арифметическую прогрессию по формуле «+2», пока не доходит до 1000; затем он продолжает ряд так: 1000, 1004, 1008... Витгенштейн дает следующий комментарий:

«Мы говорим ему: “Посмотри, что ты делаешь!” Он нас не понимает. Мы говорим: “Ты должен прибавлять “два”: смотри, как ты начал ряд!” Он отвечает: “Да! А разве это неверно? Я думал, что нужно делать так”. Или же представь себе, что он сказал, указывая на ряд: “Но ведь я действовал здесь точно так же”. Было бы бесполезно говорить ему: “Разве ты не видишь...?” и повторять при этом старые пояснения и примеры. В таком случае мы могли бы сказать: этому человеку по природе свойственно понимать наше задание и наши пояснения так, как мы понимаем задание: “До 1000 всегда прибавляй 2, до 2000 4, до 3000 6 и т.д.” Этот случай сходен с тем, когда человек естественно реагирует на указующий жест руки, глядя не в направлении указательного пальца, а в обратном направлении – от пальца к запястью руки» [8. § 185].

Для понимания этого рассуждения необходимо иметь в виду, что речь здесь идет не о дефектах в человеческой коммуникации, которые делают невозможным исчерпывающее объяснение, и не об ограниченности сознания, неспособного в едином акте «охватить» весь бесконечный числовой ряд, т.е. не об ограниченности наших интеллектуальных и коммуникативных возможностей, но о принципиальной невозможности *исчерпывающего понимания* правила, причем не только

со стороны обучающегося, но и самим учителем, – понимания, которое позволяло бы однозначно установить, например, какой именно числовой ряд строит тот или иной индивид, и даже какой именно ряд строю в данный момент я сам¹⁰!

Другой аспект непостижимости правила (невозможности его однозначной экспликации, будь то в ходе обучения другого или рефлексии над собственной деятельностью) связан регрессом в бесконечность, возникающим при попытках его интерпретации. В языковой игре, рассматриваемой в § 2 и 86, строитель дает своему помощнику команды типа «блок», «плита» и т.п., а последний подает ему соответствующие предметы. Правило этой «игры» можно представить в виде таблицы, в левом столбце которой перечислены наименования предметов, а в правом даны их изображения. Но как следовать этому правилу? Это вопрос интерпретации, которая может быть представлена системой стрелок, указывающих для каждого слова его соответствие. Система стрелок (интерпретация таблицы) представляет собой *правило второго порядка*. Далее возникает вопрос, как следует интерпретировать стрелки, т.е. вопрос о правиле третьего порядка, и т.д. до бесконечности. «А с другой стороны, – говорит Витгенштейн, – разве первая таблица без схемы стрелок была не полна? И разве не полны без таких схем другие таблицы?» [8. § 86]. По-видимому, этот риторический вопрос можно интерпретировать как указание на *нетематический* характер правила как внутренней структуры нашей фактической деятельности – структуры, которая не является результатом предшествующего «понимания».

«Следование правилу – некая практика» [8. § 202]. По нашему мнению, этот тезис, результирующий витгенштейново исследование правилосообразности, следует понимать в том смысле, что правило невозможно рассматривать как нечто внешнее по отношению к практике, например как норматив, который мы осваиваем (понимаем) *прежде*, чем приступаем к собственно действию (подобно тому как дефиницию термина невозможно рассматривать как нечто внешнее по отношению к частным случаям его употребления). Правило, а вместе с тем значение, представляет собой *событие*, которое происходит при нашем участии и которое мы можем заметить и описать только в перспективе участника: по ходу дела или вспоминая о нем.

Проведем еще одну параллель между Витгенштейном и Хайдеггером. У Хайдеггера связи отсылания, конституирующие мир, невозможно отличить от нашего «движения» по ним: связи отсылания существуют не как «объективное» свойство вещей, но как внутренняя структура человеческой деятельности. Поэтому последняя приобретает перформативный характер относительно мира: она не осуществляется в предзаданном мире, но осуществляет мир. Равным образом у Витгенштейна правила языковых игр, а вместе с тем семантическая структура языка (= онтологическая структура мира или, словами Хайдеггера, «мировость мира») не автономны по отношению к речи, но перформативно исполняются ею. Для контраста вспомним «Логико-философский трактат»: утверждая невозможность нелогичной мысли и, соответственно, нелогичного устройства мира (3.031), ранний Витгенштейн переходит

от субъект-объектной онтологии к онтологии медиальной, которая остается в силе и в его позднейших исследованиях. Однако в «Трактате» логика еще не имеет фактического характера, т.е. представляет собой универсальную форму, автономную по отношению ко всем единичным актам мысли и речи. Поэтому медиальность логики у раннего Витгенштейна еще не воплощена в речевой деятельности (по самокритичному вы-

ражению из «Философских исследований» (81), «является логикой как бы безвоздушного пространства») и, соответственно, не имеет перформативного характера. Но последовательный семантический прагматизм, образцовым образом воплощенный в теории языковых игр, необходимым образом приводит к тематизации фактичности значения, а вместе с тем и его перформативно-событийного характера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее в ссылках на «Логико-философский трактат» указывается номер тезиса; в ссылках на «Философские исследования» – номер параграфа.
- ² По нашему мнению, в этом смысле нужно понимать загадочный тезис 2.02: «Объект прост». Простота объекта состоит не в его, скажем, физической неделимости или невозможности различения в нем частей, сторон и т.п.; простота объекта имеет априорно-эпистемологический характер: неделимым является семантическое (априорное) знание объекта. При этом, конечно, наше фактуальное (эмпирическое) знание об объекте может быть сколь угодно несовершенным: фрагментарным, неадекватным, смутным...
- ³ В интерпретативной литературе это обстоятельство часто игнорируется, что приводит к тривиализации дистинкции внутренних и внешних свойств. Например, В.А. Суровцев в основательном исследовании философии раннего Витгенштейна пишет: «Различие внутреннего и внешнего определяется здесь с точки зрения возможного и действительного» [3. С. 186].
- ⁴ Такого рода неизбежные грамматические искажения суть одна из причин «бессмысленности» (Unsinnigkeit) предложений самого «Трактата». В этом смысле показателен тезис 6.54: «Мои предложения что-то проясняют благодаря тому, что тот, кто меня понял, в конце концов распознает их бессмысленность, если он поднялся с их помощью – на них – выше их (он должен, так сказать, отбросить лестницу, после того как он взберется по ней наверх)» (перевод скорректирован). Едва ли случайно, что аналогичные трудности с языком испытывал и Хайдеггер, отмечавший, что для задач онтологии не хватает «не только слов, но и «грамматики» [4. С. 39].
- ⁵ Современный немецкий исследователь Т. Ренч в основательной монографии, посвященной Хайдеггеру и Витгенштейну, усматривает эксплицитный прагматический мотив уже в «Трактате». Основанием для этого вывода являются тезисы Витгенштейна, в которых речь идет об употреблении знака (3.326: «Для того чтобы узнать символ в знаке, мы должны учитывать осмысленное употребление»; 3.327, 3.328 и др.). Ренч интерпретирует эти тезисы в том смысле, что «Витгенштейн понимает априорную конституцию мира, определяемую логической формой, как *употребление осмысленных предложений*, и в этом смысле прагматически» [5. С. 297]. По нашему мнению, эта интерпретация поспешна: дело в том, что, с точки зрения раннего Витгенштейна, возможности «осмысленного употребления знака» хоть и воплощаются в речевой практике, но не зависят от нее; сфера возможного для языка определена и ограничена от сферы невозможного – априори, т.е. независимо от фактической речевой деятельности. Однако *де-теоретизация* семантического знания открывает *возможность* для прагматической трансформации семантики и, таким образом, может рассматриваться как одна из «точек роста» позднейшей теории языковых игр.
- ⁶ Здесь и далее цитаты даются в моем переводе. В переводе В.В. Библихина: *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
- ⁷ Строго говоря, речь здесь идет о *вот-бытии* (Dasein, в переводе В.В. Библихина *присутствие*), которое, по Хайдеггеру, не следует трактовать антропологически, но в данном контексте мы можем отвлечься от дистинкции понятий *человек* и *вот-бытие*.
- ⁸ В этом переводе мы следуем Т. Ренчу, по мнению которого «онтологическое различие» (различие между бытием и сущим) имеет свой аналог в «Логико-философском трактате» (где оно представлено как различие логического и эмпирического) и играет в нем «смыслоконститутивную роль» [5. С. 363].
- ⁹ Поэтому отказ Витгенштейна от дефиниторного (через указание общих признаков) определения «языковой игры» не является случайной прихотью автора, но обусловлен теорией языковых игр и представляет собой перформативную иллюстрацию ее главного тезиса.
- ¹⁰ Радикальный характер этого рассуждения детально эксплицирует С. Крипке [9]. Обсуждение «скептического парадокса» Крипке, ставящего под вопрос саму возможность языка, выходит за рамки данной статьи; здесь мы ссылаемся только на его образцовую демонстрацию феномена непостижимости обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dummett M. *Origins of Analytical Philosophy*. Cambridge, Massachusetts, 1996.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
3. Суровцев В.А. Автономия логики: Источники, генезис и система философии раннего Витгенштейна. Томск, 2001.
4. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1986.
5. Rentsch Th. *Heidegger und Wittgenstein. Existential – und Sprachanalysen zu den Grundlagen philosophischer Anthropologie*. Stuttgart, 2003.
6. Apel K.-O. *Wittgenstein und Heidegger. Die Frage nach dem Sinn von Sein und der Sinnlosigkeitsverdacht gegen alle Metaphysik* // Apel K.-O. *Transformation der Philosophie*. Bd. 1: Sprachanalytik, Semiotik, Hermeneutik. Frankfurt/M., 1976.
7. Gethmann C.F. *Heideggers Konzeption des Handelns in Sein und Zeit* // Heidegger und die praktische Philosophie. Frankfurt/M., 1989.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. I.
9. Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск, 2005.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 13 декабря 2008 г.